

Отзыв

о диссертации Стрелковой Анастасии Юрьевны на тему «Концепция творчества в художественном сознании Максимилиана Волошина», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертация Анастасии Юрьевны Стрелковой посвящена рассмотрению и анализу парадигмы творческого процесса, сформировавшейся с одной стороны в критических статьях Максимилиана Волошина, а с другой – воплотившейся в его поэтическом творчестве. Актуальность работы обусловлена тем, что, хотя творчество Волошина изучается достаточно активно, до сих пор исследовались отдельно взятые его стороны, в то время, как системного анализа так и не было проведено. Наличие явных лакун в предмете изучения делает появление данной диссертации своевременным и актуальным.

Работа состоит из трех глав, заключения и библиографии. В первой главе «Общая характеристика эстетических взглядов М. Волошина» рассматривается генезис воззрений поэта на природу искусства. Русские поэты XIX века, присутствовавшие в художественном сознании молодого Волошина, затем живопись французских импрессионистов и, наконец, символистская литература – таковы, пожалуй, основные хронологические вехи формирования его эстетической концепции, которые выделяет А.Ю. Стрелкова в первом параграфе главы. Второй параграф посвящен проблеме субъекта и объекта творчества, которая является одним из важных аспектов данной диссертации. Волошин-критик, подчеркивает Стрелкова, воплощает своего рода субъектно-объектный дуализм. Происходит это следующим образом. Широкий ряд деятелей искусства рубежа XIX–XX веков, которым Волошин посвящает свои статьи, являются субъектами по отношению к

своим собственным произведениям. Но для него они становятся объектами его эстетического интереса, например, через картины Сурикова он подходит к теме коллективного бессознательного. В то же время, и сам Волошин, будучи субъектом творчества, как создатель произведений, становится объектом, передавая рецепцию собственного опыта.

Далее Стрелкова выделяет целый ряд проблем, относящихся к философии творчества, которые были важны для Волошина и нашли отражение в его статьях и лирике. Это вопрос об источнике творчества – сознательное или бессознательное имеет здесь приоритет, внешние или внутренние факторы являются здесь главенствующими; проблема соотношения автора и его текста; зависимость художника от коллективного бессознательного, а также взаимоотношения автора и субъекта восприятия.

Третий параграф посвящен восприятию Волошиным сущности западного и восточного творчества. В эстетических рецепциях Волошина, подчеркивает Стрелкова, заметно сопоставление этих факторов. При всем своем интересе к мифологеме Востока Волошин, однако, скептически настроен к ориентализму в европейской культуре, считая это лишь внешним уровнем восприятия. Здесь в очередной раз сказывается парадоксальность его творческого сознания, а именно – ориентация на синтез. Соприкосновение с восточной культурой подвигает Волошина к изучению культуры европейской. В конце параграфа Стрелкова подытоживает принципы восточного искусства, актуальные для художественного сознания Волошина и отразившиеся в его творчестве.

В четвертом параграфе главы рассматриваются влияния на Волошина современных ему творческих концепций. И первый подпараграф посвящен восприятию им эстетических основ символизма и акмеизма. Опираясь на тезис современных исследователей об особом положении Волошина в кругу писателей-символистов Серебряного века, Стрелкова прослеживает функционирование в его эстетике таких символистских констант, как гностика, бессознательное, символ, реализм, память, слово,

металитературность. Теургическое начало объединяет Волошина, например, с Андреем Белым, однако для первого существенна гендерная коннотация. От требований жизнотворческого символизма, которые выдвигали и другие младосимволисты, Волошин дистанцируется, демонстрируя интерес к исторической феноменологии культуры, что сближает его уже с акмеистами.

В теории творчества, исповедуемой Волошиным, принципиальными оказываются два момента, которые Стрелкова особо отмечает в данном параграфе. Первый тезис: реализм – основа символизма. Этот, ведущий к Вяч. Иванову постулат, Волошин также трактует на свой лад. Символизм происходит из реализма, но и сам затем порождает нео-реализм, который является не промежуточным итогом, а результатом развития искусства.

Второй тезис: память – одна из центральных категорий творчества. Носящая в символизме теургический характер, эта категория напрямую апеллирует к особой роли слова, точнее, слова исконного, «языка богов». Такое слово родственно музыке, что принимал и Волошин. Наметив ряд принципиальных для символизма моментов, которые были важны для Волошина, Стрелкова перечисляет его точки соприкосновения с акмеизмом, появившиеся во-многом вследствие интереса Волошина к поэтам «аполлоновского» круга. Идея поэта-ремесленника, акмеистическая проработка вещного мира были, несомненно, близки ему, но подвергались интерпретации.

Второй подпараграф посвящен импрессионизму в осмыслении Волошина. Подобно символизму, Волошин-критик истолковывает импрессионизм сквозь призму реализма. Стрелкова пишет здесь о двух типах импрессионизма, возникающих в статьях Волошина: художественном течении и вечной, универсальной ценности. И хотя четкого разграничения в текстах не проводится, сам материал подталкивает к такой дифференциации.

Живописное начало в поэзии Волошина проявилось в символике цвета, воспринятой им через иконопись. Излюбленные цвета присутствуют как в

лирике Волошина, так и в изображениях его любимой Киммерии. При этом цвет становится смыслодержающим.

Вторая глава диссертации «Природа творчества в интерпретации М. Волошина» состоит из трех параграфов, развивающих и углубляющих намеченные ранее смысловые блоки. Первый параграф посвящен соотношению сознательного и бессознательного в творческом акте. Этот вопрос, столь актуальный для волошинской концепции творчества, обнаруживает здесь свою противоречивость. На материале ряда статей Волошина Стрелкова наглядно демонстрирует его стремление управлять бессознательным в творческом процессе. Сознвая парадоксальность этого желания, Волошин всячески стремился сгладить его, утверждая, что управлять – не значит контролировать. Но, так или иначе, все воспринимаемое художником должно быть пропущено сквозь бессознательное. Большое значение Волошин предавал народному творчеству, разделяя убеждение, что через фольклор можно приобщиться к коллективному бессознательному. И в этом он также оказывается близок Иванову. Далее Стрелкова говорит о других аспектах бессознательного, таких как детские игры и внутреннее «Я» человека, показывая степень проработанности их Волошиным.

В творческой концепции Волошина, однако, реализован синтез сознательного и бессознательного. Интеллектуальной мотивации его образов посвящен следующий подпараграф главы. С целью выявления идеи как источника творчества Стрелкова анализирует развертывание умственной посылки статьи в интеллектуальное содержание более позднего стихотворного текста. При этом в качестве исходного импульса может выступать фрагмент чужого текста, что намечает особое отношение Волошина к плагиату. Более подробно это освещено в работе далее. Полученные результаты позволяют сделать вывод о склонности Волошина к поэтической реинтерпретации своих и чужих текстов, хотя Стрелкова и поясняет, что это модель происхождения образа не универсальна.

Второй параграф главы «Синтез как метод творчества» посвящен детальному рассмотрению основного творческого метода Волошина. В сущности, поискам синтеза, гармонии разных начал была посвящена вся его жизнь. Таланты живописца и поэта взаимовлияли друг на друга, так что это было предопределено. Однако Волошин стремился синтезировать все, попадавшее в орбиту его интереса. В первом подпараграфе Стрелкова рассматривает синтез культур в творчестве Волошина. На материале современных исследовательских трудов прослеживается переосмысление темы античности, мотивов и приемов японской живописи, древнерусской культуры. Ни одно из влияний не оказывается доминирующим, но служит Волошину для решения собственных задач. В то же время, подчеркивает Стрелкова, отношение Волошина к художественным принципам Возрождения негативное, потому что они нарушили продуктивные тенденции Средневековья. Материал подпараграфа убедительно демонстрирует нам принцип синтеза культур как одного из ключевых в творчестве Волошина.

Второй подпараграф главы посвящен синтезу философских идей и оккультных учений. Данный вопрос сам по себе является хорошо разработанным современными исследователями. Однако предметом спора является то, какое из влияний считать основным. Обобщив материалы, связанные с интересом Волошина к антропософским идеям, учению В. Соловьева о теургии, взглядам неоплатоников, ряду оккультных идей, Стрелкова делает вывод, что доминирующего фактора здесь нет.

Примечательной чертой художественного сознания Волошина стало его отношение к плагиату и чужому тексту, подробно рассмотренное в третьем подпараграфе главы. Один из ключевых постулатов Волошина сводился к тому, что не существует собственности на мысль. Развивая мысль, Волошин продолжал, что собственности на текст не существует также, зачастую пользуясь в своих статьях цитатами без кавычек. Стрелкова указывает здесь на параллели с некоторыми идеями Р. Барта, однако выводы,

к которым приходит Волошин, далеки от парадигмы постмодернизма. Чувство, связывающее слова, по его мнению, все-таки принадлежит автору.

Третий параграф главы «Гендерная мотивировка творческого акта» посвящен усилиям Волошина, направленным на эстетизацию концепта «пола». В силу обширности проблематики это, пожалуй, центральный раздел работы. В первом подпараграфе Стрелкова рассматривает взгляды Волошина на творческий потенциал любви. Важным подспорьем здесь служит лекция «Пути Эроса», прочитанная Волошиным в начале 1907 года, но так и оставшаяся неопубликованной. Материалом для нее послужил «Пир» Платона. В лекции возникает важный образ гермафродита-андрогина, символизирующий целостный творческий акт. Уже здесь обозначена тенденция, ставшая характерной для Волошина, а именно, восприятие эроса под знаком интеллекта. Стрелкова называет и другие источники, повлиявшие на формирование целостной системы его взглядов. Это целый комплекс статей В. Соловьева, а также взгляды Вяч. Иванова. Однако собственная концепция пола и творчества возникнет у Волошин позднее, когда он отойдет от мистико-эротической трактовки любви и придет к пониманию ее тесной связи с философией. Наглядной иллюстрацией этого является очерк 1916 г. «Суриков», детально рассмотренный в работе.

Во втором подпараграфе исследуется гендерный аспект рождения и рецепции текста у Волошина. Понятия «женского» и «мужского» он переносит на отношения читатель – автор, связывая мужское с авторским началом, а женское – с читательским. При этом Волошин настаивает на их равноправии. Немаловажно, что приоритет он отдает не восприятию, а пониманию, от которого во-многом и зависит судьба произведения. Важным моментом представляется исторический экскурс в процесс становления творческой самостоятельности читателя, проводимый А. Ю. Стрелковой, поскольку это имеет выходы на современную филологическую проблематику. Так, перечислены концепции М. М. Бахтина, А. П.

Скафтымова, И. А. Ильина и др., позволяющие четче представить место, занимаемое теоретическими прозрениями Волошина.

Третья глава диссертации «Отражение эстетических взглядов М. Волошина в его поэтической практике» посвящена анализу поэтической реализации теоретических установок. Внимание А. Ю. Стрелковой сфокусировано здесь на интеллектуальной составляющей текста. Первый параграф главы «Источники творчества» рассматривает мысль как основной импульс творчества у Волошина. В подпараграфах Стрелкова структурирует материал, выделяя обращения Волошина к философской идее, чужому тексту, факту реальности, внутренней мотивации творчества в поэтических произведениях.

Выявив ряд сквозных философских мотивов, таких как время, сотворение человека, суть человеческого существа и его духовный путь (мотив странничества), мораль, история, Стрелкова на материале конкретных стихотворений прослеживает особенности их функционирования в поэзии Волошина, делая акцент на синтетичности его творчества.

Достаточно плодотворно исследована роль чужого текста как творческого импульса в поэзии Волошина. Ряд параллельных сопоставлений позволяет убедиться в правильности сделанных выводов.

Также подробно проиллюстрирована роль внешних фактов в создании стихотворений. Несмотря на убеждение самого Волошина, что такой факт укореняется в бессознательном, сам он тем или иным способом стремится его зафиксировать. Заметки, предшествующие ряду стихотворений, представлены в диссертации и помогают лучше уяснить творческий метод поэта. Особое внимание уделяет Стрелкова названиям стихотворений. И оказывается, что большая часть названий у Волошина содержит указание на событие.

Обращение к проблеме внутренней мотивации в поэзии Волошина обнаруживает противоречивость его мысли о бессознательном как источнике творчества применительно к поэтической практике. Полемизируя с рядом

современных исследователей, усматривающих у Волошина религиозную мотивировку, Стрелкова утверждает, что основным импульсом здесь является мысль. Несмотря на постулируемую в ряде произведений идею об иррациональности творчества, основной корпус поэтических текстов Волошина не подтверждает ее.

Во втором параграфе главы рассматривается мысль как фактор, определяющий свод мотивов. Заявив в первом подпараграфе тему научности в поэзии Волошина, Стрелкова далее более детально разрабатывает ее на примере целого цикла «Путями Каина», демонстрируя предварительный отбор Волошиным тезисов для стихотворений. Гносеологические искания Волошина рассмотрены на примере стихотворения «Рождение стиха» как метатекста. Стихотворение это представляет собой сложное единство с разными уровнями творческого воплощения, которые подробно рассматривает Стрелкова. Это лексический и фонетический уровни, ритмическая и интонационная стороны произведения. Рассматриваются параллели с творчеством К. Бальмонта, которому было посвящено «Рождение стиха». В завершающем главу подпараграфе глубокому анализу подвергнуто стихотворение Волошина «Подмастерье», выступающее в роли поэтического манифеста концепции творчества. Мотив поэзии как ремесла, сближающий Волошина с акмеистами, предполагал, однако, у него иное понимание слова, обогащенное многими культурными коннотациями. Именно в этом стихотворении Стрелкова выделяет ключевой для концепции творчества Волошина тезис, а именно «возвращение в момент творчества сублимированных в бессознательном фактов реальности».

В Заключении подводятся итоги проделанной работы и резюмируются полученные выводы. Особое внимание уделяется тем противоречиям, которые возникают между творческой практикой Волошина и идеями Волошина-теоретика. В частности, его поэзия не подтверждает постулат о доминанте бессознательного в процессе творчества. На основании рассмотренного и тщательно проанализированного материала Стрелкова

делает вывод об определенной автономности умозрительных построений Волошина. Ряд аспектов творческой системы Волошина намечены к дальнейшему исследованию, что свидетельствует о несомненной перспективности итогов данной диссертации. Также хотелось бы обратить внимание на достаточно продуктивное рассмотрение переключки идей Волошина с некоторыми положениями рецептивной эстетики, которое позволяет вписать теоретические достижения Серебряного века в контекст мировой интеллектуальной мысли XX века.

Наряду с достигнутыми результатами работа Стрелковой не свободна, однако, от некоторых замечаний, а скорее даже пожеланий. Так, очевидна роль, которую сыграл в рассматриваемый период времени жанр «книги стихов». Из диссертации не ясно отношение к нему Волошина. Рассматривали ли он свои выходившие книги как законченное целое? Поэтические примеры, подтверждающие или опровергающие теоретические выкладки приводятся из сборников разных лет и порой непонятно, меняется ли с течением времени отношение Волошина к своим идеям.

Также можно выразить сожаление, что «Лики творчества» не оказались рассмотрены как текстовое единство. Однако думается, что на результат работы это не повлияло бы решающим образом, и Анастасия Юрьевна Стрелкова когда-нибудь включит эту книгу в орбиту своих научных исследований.

Можно предъявить некоторые замечания к структуре работы. Так, неоправданным нам кажется повтор большой цитаты из статьи А. В. Лаврова «Жизнь и поэзия Максимилиана Волошина» на с. 81-82 и 102. Но все указанные моменты не отменяют важности полученных А. Ю. Стрелковой результатов. Диссертация имеет большое значение для современной филологии. Она несомненно может быть использована в дальнейшем изучении творчества М. Волошина, а также в учебном процессе при подготовке студентов филологических специальностей.

Научно-квалификационная работа А. Ю. Стрелковой на тему «Концепция творчества в художественном сознании Максимилиана Волошина» соответствует требованиям, изложенным в п. 9, 10 Положения ВАК Российской Федерации от 2013 года, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01- русская литература.

Кандидат филологических наук,
координатор ЭОР

Центра гуманитарного образования Издательства «Просвещение»

Е.Г. Таран

Подпись Тарана Е.Г. заверено

Руководителем Центра кадров

И.А. Григорьева

Сведения об официальном оппоненте

ФИО: Таран Евгений Григорьевич

Ученая степень: кандидат филологических наук

Должность: координатор ЭОР

Место работы: Центр гуманитарного образования издательства
«Просвещение»

Адрес: 125171, Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 4, кв. 313

E-mail: tarane@mail.ru

Телефон: 8 903187 28 26

Публикации

1. Журнал «Шут» и литературный процесс 1903 – 1905 гг. // Вестник РГГУ. № 12, 2014. С. 56 – 63.
2. От «Дневника писателей» к «Запискам мечтателей»: эволюция символистского журнала для своих // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты. М., 2014. С. 156 – 165.
3. Александр Кондратьев и московские издатели-символисты // Русская литература. 2012, № 3. С. 163 – 169.